
ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

“Я РУССКИЙ ПО ДУХУ И КРОВИ...”

1 июня 2008 года исполнилось бы 70 лет поэту Борису Терентьевичу Примерову.

В 60-х годах один амурский стихотворец (тогда я жил в Благовещенске) ездил в Москву поступать в Литературный институт им. А. М. Горького. Вернувшись, он рассказал, как в один из дней во время ливня во двор общежития института выбежал студент, поэт Борис Примеров, и давай скакать босиком по лужам. Рассказанное накрепко засело в моей памяти, и когда позже я приобрёл сборник этого поэта “Некошенный дождь” (изд-во “Молодая гвардия”, 1967 г.), то был поражён, насколько образ поэта, нарисованный моим воображением, и его стихи совпадают.

Каждому своё земное небо
С розовой избушкой соловья,
Кроме золотой краюхи хлеба
И ручного верного ручья,
Чтобы слушать, как желтеют травы,
В каждую травиночку войдя
Бесконечной зыбкой и усталой
Маленькою каплею дождя.

После первого же прочтения запомнились и другие:

До самого рассвета,
Как яблоки, круглы,
На чёрных-чёрных ветках
Качались воробьи.

* * *

...Вышел месяц под деревья
Из-за старенькой реки,
Поздоровался с деревней
И не подал мне руки.

* * *

Я в рубашке родился,
Без рубашки умру
На стареющем, душном
Безымянном ветру.

Последнее стихотворение, конечно же, было продиктовано юношеским максимализмом, но мне оно нравилось: я ведь и сам был юным, и жизнь воспринималась без полутонов – или гореть, или потухнуть, но ни в коем случае не тлеть!

С тех пор “Некошенный дождь” стал одним из любимых моих сборников. Кстати, Б. Примеров в предисловии к своему “Избранному” (изд-во “Художественная литература”, 1989 г.) называет его “главной и любимой книгой”. (Стоит отметить, что редактировал её поэт Владимир Соколов, ныне признанный одним из классиков русской поэзии XX века.) Я читал стихи Бориса в журналах, покупал его книги, а уже переехав на Белгородчину, с удовольствием познакомился с его небольшим, но умным предисловием к сборнику белгородца Г. Островского “За весенними птицами” (изд-во “Современник”, 1981 г.), втайне завидуя Геннадии доброй завистью, – такие слова такого поэта, как Примеров, действительно дорогого стоят.

1

В начале октября 1991 года я оказался в Доме творчества писателей в Малеевке. Одна из тогдашних литературных мекк находится довольно далеко от Москвы, в Рузском районе. Я ехал сначала на электричке с пересадкой, потом на автобусе, изрядно устал, поэтому к административному зданию Дома творчества подошёл далеко не бодрым шагом. У входа стоял невысокий человек с всклокоченной шевелюрой, густой неприбранной чёрной бородой, его глаза смотрели внимательно, по-доброму и как-то ласково, что ли.

– Откуда? – спросил он.

– Из Белгорода.

– А как звать?

Я ответил. И каково же было моё удивление, когда новый знакомый прочитал: “А что под небом? – Поле. – А что за полем? – Поле. – А там, за полем? – Поле. Одно – на всей земле” – это строки моего стихотворения, которое было опубликовано несколько лет назад в московском альманахе “Поэзия”.

Подождав, пока я отойду от изумления, человек сказал: “Я Борис Примеров” и протянул мне руку.

Так мы познакомились. Позже я часто слышал от Бориса строки самых разных поэтов, известных и не очень, столичных и провинциальных – он был настоящим ходячим цитатником, прекрасно знал русскую историю, философию, искусство. Я привозил из Москвы книги Бердяева, Гумилёва, Ходасевича, Гиппиус, которые раньше не издавались, удивлялся и восхищался своими открытиями, а он со всеми ними уже был давно знаком.

Мы встречались почти каждый день, обедали за одним столом; вместе с нами сидел критик Юрий Болдырев, сделавший себе имя на публикациях стихов тогда уже покойного Бориса Слуцкого. Перед завтраком, обедом и ужином я обычно заходил за ним, мы прогуливались, говорили о литературе и жизни. Союз писателей тогда уже раскололся, я и Примеров были в одном, Болдырев – в другом, но это не мешало нам слушать и слышать друг друга, до ожесточённых споров и обидных слов не доходило.

Кстати, однажды я поведал Борису о том, что мне когда-то рассказал о нём мой дальневосточный приятель, о его пляске под дождём, на что Примеров, улыбнувшись, сказал: “Да, было такое”.

Вообще Борис был мягким человеком. К собеседнику он часто обращался “милый мой”, подчёркивая свою миролюбивость, никогда ни на что, ни на кого не жаловался, хотя было понятно – живётся ему нелегко, в том числе и материально. “У нас в семье три Союза писателей: я в одном, жена (поэтесса Надежда Кондакова. – **В. Ч.**) – в другом, сын – в третьем” (студент Литинститута Фёдор. – **В. Ч.**), – говорил Борис. Видимо, из-за семейных обстоятельств он и обитал по несколько сроков подряд в Малеевке, много работал,

писал стихи, а также статьи по истории, культуре, искусству дореволюционной России, которые печатались в журналах “Молодая гвардия” и “Россияне”.

Однажды в Малеевку приехала приёмная коллегия Союза писателей России проводить выездное заседание. Помню, что были Виктор Кочетков, Юрий Кузнецов, Станислав Золотцев. Со всеми Борис общался запросто, и к нему было самое дружеское отношение: чувствовалось, его признают, уважают, ценят.

Я тогда впервые близко познакомился с Юрием Кузнецовым, которого боготворил, прочитав ещё в 70-е годы его сборник “Во мне и рядом – даль...”. Как мне показалось, Примеров несколько ревностно относился к Кузнецову. В ответ на мои восхищения по поводу кузнецовских стихов он принёс книгу “Древо жизни” А. Афанасьева, сказав: “Вот оттуда Юра образы черпает”, а ещё журнал 30-х или 40-х годов со стихами какого-то поэта (имя, к сожалению, я не запомнил), удивительно созвучными кузнецовским, процитировал Е. Баратынского “И как нашёл я друга в поколенье...”, пояснив: “А Юра их перефразировал: “Я в поколенья друга не нашёл...” Борис давал мне понять: “самородки” не возникают на пустом месте, каждый значительный поэт вбирает в себя опыт предшественников, знания литературы, культуры народа. И Кузнецов был таковым.

Мне нравились наши вечерние беседы, когда Борис рассказывал о встречах с поэтами, стихи которых я читал и любил: с Ярославом Смеляковым, Сергеем Марковым, Александром Прокофьевым, Владимиром Соколовым и другими; с Александром Вампиловым, Анатолием Передреевым, Николаем Рубцовым он дружил. С последним долгое время жил в одной комнате в общежитии и даже (если судить по воспоминаниям Виктора Астафьева) был единственным поэтом, приехавшим в Вологду из Москвы проводить друга в последний путь.

“Я говорил Коле, – рассказывал Примеров, – как это: “В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды...”? Что же, мать ночью за водой ходит? Или “Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...” – На чём ты будешь скакать? На палочке верхом?”

Сейчас, когда эти рубцовские стихи признаны шедеврами, можно говорить о чрезмерной придирчивости Примерова к творчеству товарища. А может быть, о его необыкновенной чуткости к слову?

И ещё один эпизод.

Будучи в Малеевке, я получил новенький билет члена Союза писателей СССР – заветная мечта каждого пишущего. Показал его Примерову.

– А у меня билета нет, – сказал он.

– ?!

– Да мы его однажды с Колей Рубцовым загнали за пять бутылок “Старки”, а новый никак не получу.

Правду говорил Борис или выдумал – этого у него уже не спросить.

В облике и поведении Бориса было что-то как от пророка, так и от юродивого. Он говорил ясно о жизненных истинах и высоких материях, в то же время мог сбиться на невнятное бормотание, нелепо размахивая руками и покачивая головой; ездил без билета в общественном транспорте, в том числе и на электричке, хотя я не уверен, что он пользовался какими-то льготами. Причём если я при приближении контролёров суетливо доставал билет, то он отворачивался от них, и ни один никогда не спросил с него плату за проезд.

Ходил Примеров в трофейном немецком кожане, который, как он говорил, чуть ли ещё не в студенчестве купил на толчке, и сожалел, что когда-то по молодости и дурости укоротил одёжку. Говорил: “Да мне этот кожан до смерти не износить”.

В один из дней мы поехали в Москву вдвоём. Зашли в альманах “Поэзия” к Николаю Старшинову, в журнале “Россияне” он познакомил меня с Владимиром Фирсовым, в “Литературной учёбе” – с Николаем Шипиловым, в “Молодой гвардии” – с Евгением Юшиным, тогда молодым поэтом, теперь главным редактором этого журнала. А потом в книжной лавке писателей я приобрёл “Избранное” Бориса. Тут же на титульном листе книги он написал: “Таланту из провинции, без которой нет России, – Черкесову – на память. Твой читатель – Борис Примеров. 1991 г.”

До этого талантом меня никто из признанных мастеров не называл.

Когда я уезжал, Борис меня провожал. Уже выпал снег, и он помогал мне тащить сумки, нагруженные книгами. Одними из последних его слов были:

“Запомни: надвигается страшное время. Демократии поэзия не будет нужна, и мы, поэты, тоже”.

2

Из Белгорода я послал Борису вышедший сборник стихотворений поэтов белгородской студии “Слово”. Вскоре пришёл ответ, написанный скачущими буквами на тетрадном листе в линейку:

“Милый мой поэт, здравствуй!

Вот уже два месяца, как ты уехал, а я всё в любимой Малеевке, по-моему, навечно.

Видел Николая Старшинова – сказал: альманах закрывается. Печальное для тебя известие. Ну что поделывать, такова жизнь, какую мы хотели. Вот она и пришла.

В “Литучёбе” никак не поймаю Шипилова. Говорят, болеет... Как найду его, спрошу о твоих стихах – помогу чем угодно.

Прочитал ваше “Слово”. Понравилось. Особенно подборки В. Распопова и Т. Рыжовой – настоящее дыхание, врождённое поэтическое настроение. Надо немедленно принимать в Союз писателей.

Твои стихи почти все знаю, но снова прочитал с охотой.

Не надо писать о моём сборнике, напиши о поэме “Лебединое иго” на имя Владимира Ерёмченко (главного редактора. – **В. Ч.**) в “Лит. Россию”. Мне кажется, у тебя выйдет.

Погода в Малеевке чудесная. Степенный снег русской природы.

Вот и всё.

Твой Борис”.

Я написал рецензию на “Лебединое иго” (“Молодая гвардия”, № 11 за 1991 г.), послал её в “Литературную Россию”. Материал, как мне сказали, был подготовлен к печати, даже стоял в полосе, но почему-то был снят.

У меня сохранился экземпляр рецензии. Приведу фрагменты:

“В который раз беру журнал с новой поэмой Бориса Примерова, читаю и перечитываю её, – повторяю вновь и вновь многие полюбившиеся, проникающие в глубины души строки, которые сами собой запоминаются. И наверняка останутся надолго в памяти, если не навсегда.

Я русский по духу и крови.
В первоначальной затее
Я, словно Кольцов, окольцован
Берёзовой млечной аллеей,
Что белого света белее,
В котором родиться успели.

Историческое, эпическое, философское, лирическое – каждое из этих определений в полной мере подходит к характеристике произведения. Но, пожалуй, точнее всего будет сказать, что поэтом владела, говоря словами Сергея Есенина, “любовь к родному краю”, и он нашёл самые проникновенные слова, чтобы сказать об этом. А ещё – боль за настоящее и будущее России, вера в её величественное предназначение.

Заканчивается поэма такими строками:

...Становлюсь на колени
Пред гордой красивой страной,
Целуя в уста голубое
Звнящее иго такое.

... Вот ещё четыре строки. Какие они точные, как пронзают – до сердца:

Шумит, как шумит непогода,
Страна потрясённая — вон как!
Хлебнувшая горечь свободы
Отчаянно, памятно, звонко.

“Лебединое иго” подготовлено всем творчеством Примерова. Поэт, горячо любящий Россию, Родину, уже в поэме “Ау!”, написанной более десяти лет назад, предвидел и предощущал многие напасти, навалившиеся сегодня на нашу страну. Тогда он написал трагически пророческие предостерегающие строки:

Не допусти, Россия,
Безумью вопреки,
Тупой топор насилья
Над головой строки...

Жаль, что народы, власти и правители мало прислушиваются к пророчеству своих поэтов.

3

В октябре 1992 года почти месяц я пробыл в Доме творчества писателей в Переделкино. Очень хотелось встретиться с Борисом, но где его найти? Однажды днём захожу в Центральный дом литераторов, спускаюсь в подвальныйчик, и вот он – за крайним столиком. Один.

Поздоровались. Обнялись. Я взял по чашечке кофе, что-то ещё. От спиртного он отказался и вообще был в каком-то подавленном настроении. Из разговора выяснилось, что Примеров недавно то ли из больницы вышел, то ли почему-то в милиции побывал. Говорил о надвигающемся рваческом страшном времени, и несмотря на то, что я идеалист по натуре и искренне верю в торжество добра над злом, пророчества Бориса воспринимались как близкая ужасная явь, что впоследствии, уже через год, в октябре 1993 года, при расстреле Дома Советов и произошло. Как я узнал позже, Примеров был в числе защитников парламента.

К нашему столику подходили московские поэты, здоровались, кто-то ненадолго присаживался. Помню Игоря Ляпина, который взял Борису ещё кофе, бутерброды, положил около него пачку сигарет, видимо, знал, что тому, может быть, как никому другому, приходится материально трудно: он нигде не служил, жил только на гонорары, но они становились всё скуднее, да и публикаций было немного.

Через какое-то время я собрался уйти. Борис же сказал: “Я ещё побуду”. Чувствовалось, что ему не хочется уходить, а может быть, и некуда. Так и остался он в моей памяти – сидящий одиноко за столиком с ликом неприкаянного юродивого и взором русского пророка.

Известие о смерти Бориса ударило меня. Он покинул этот жестокий и несправедливый мир добровольно 5 мая 1995 года на даче в Переделкино, там же и похоронен. Оставил предсмертную записку, в которой были такие слова: “Три дороги на Руси: я выбираю смерть. Меня позвала Юлия Владимировна Друнина... Неохота жить с подонками: Лужковым и Ельциным. Опомнись, народ, и свергни клику... такого не было и не будет на белом свете”.

Незадолго перед уходом была написана поэма “Молитва”, в которой он говорил, кричал, что настали времена, когда “русское имя покрылось позором”, просил:

Каемся мы эти горькие дни.
Боже, державу былую верни.
Молим, избавь нас от искушения
И укажи нам путь избавленья.

Были и прощальные стихи с проникновенными строками:

Прощай, великая держава,
Одна шестая часть земли,
Которую на переправах
Мы сообща не сберегли.

* * *

Ещё немного слов, и парус белый
Умчит ладью мою от берегов.
То будет час, паду я онемелый...
Ещё, ещё, ещё немного слов.

Была ли услышана его поэтическая молитва там, на небесах, нам, увы, не узнать. Но его поэзия на земле осталась в наших сердцах.

Критик Владимир Бондаренко в очерке “Жизнь с открытым сердцем” в книге “Последние поэты империи” (изд-во “Молодая гвардия”, 2005 г.) пишет: “Я уверен, значение Бориса Примерова в русской поэзии после его смерти будет расти”.

Да будет так!